

«На Западе снисходительно относятся к русской музыке»

Известия. - 2004 -
9 фев. - с. 15

ТОЛЬКО В «ИЗВЕСТИЯХ»

ИЗВЕСТИЯ: Почему, как вы думаете?

АШКЕНАЗИ: Трудно сказать, зависит от многих обстоятельств. Очень откровенная музыка. Хотя все не стоит на месте. Десять лет я был главным дирижером в Берлинском филармоническом оркестре и в последний год решил включить в программу симфоническую поэму «Остров мертвых». Рахманинов сочинил ее в России перед отъездом. На первой же репетиции музыканты пристали ко мне: «Какое замечательное произведение, почему мы раньше его не играли». В декабре я записываю три диска Рахманинова: Третью симфонию, Вторую симфонию, «Остров мертвых» и, чтобы заполнить диск, — еще одно произведение: у него есть поэма «Утес», не такое гениальное произведение, но мне очень нравится, и потом еще «Цыганское каприччо». Он все время к цыганам ездил в таборы, пил вино, смотрел на их танцы, слушал их музыку и написал «Цыганское каприччо».

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к тому, что происходит в России? Раньше вы говорили, что вам не нравится, как Запад оценивает перемены у нас.

АШКЕНАЗИ: Вы знаете, меня очень раздражают комментаторы на Западе, которые пишут о России, но мало понимают, мало знают и делают обобщения, которые никому не нужны и которые только осложняют весь процесс.

ИЗВЕСТИЯ: Процесс чего?

АШКЕНАЗИ: Процесс отхода от коммунизма. От страны «победившего социализма, которая на всех парах мчится к светлому будущему коммунизма», как нас учили. Но попробуйте отойти от 75 лет советской власти. СССР перестал существовать офи-

циально в 1991 году, то есть 13 лет прошло. Это даже поколения нет, а сейчас ругают Путина, что нет демократии в России. Кто бы ни был у власти, демократии не может быть в данный момент. Демократии нужно еще два или три поколения. А Путин — тоже человек, который в демократии никогда не жил, он был в КГБ. Его взгляд на мир связан с Советским Союзом. Может быть, он хочет от этого отойти. Я его не знаю, но уверен, что отойти от этого очень трудно, если большую часть жизни вы прожили при диктатуре и работали к тому же в КГБ, который поддерживал эту систему. Наверное, у него есть сильное желание от этого отойти, но это не значит, что он может это сделать. Правда, то, что он сделал из-за террора, — изменил соотношение власти — я не уверен, что это неправильный шаг. Может, это как раз правильный шаг. Все идет зигзагами. Ситуация страшная — с этим террором. Страна — огромная, и иметь контроль над такой страной очень трудно. Нужна сильная власть. Наверное, когда Путин сделал этот шаг (решил отменить прямые выборы губернаторов и т. д.), он знал, что его будут критиковать на Западе. Но, очевидно, это единственно правильный вариант в данный момент. Я не думаю, что он сделал это из-за того, что ему нужна власть. Она у него и так есть.

ИЗВЕСТИЯ: С годами люди часто меняются далеко не в лучшую сторону. При этом всякий нормальный человек, как мне кажется, все-таки хотел бы избежать этого, но не у всех получается. Каково ваше средство?

АШКЕНАЗИ: Совесть, есть такое понятие в русском языке — совесть. В английском есть такое понятие?

ИЗВЕСТИЯ: Conscience.

АШКЕНАЗИ: Ну, это не совсем то же самое. Совесть — это более тяжелое, глубокое, более сложное, какое-то вечное понятие, ко многому обязывает. Сказать: «Потерял совесть» или «Потерял conscience», — разве это то же самое?

ИЗВЕСТИЯ: Что вас оберегает от потери совести?

АШКЕНАЗИ: Воспитание. Моя мать русская, отец еврей, но он со мной мало занимался. У матери было семь сестер и один брат — Николай, который погиб под Берлином в начале мая, за неделю до окончания войны. Он был в танках. Ему было 19 лет. Представляете, как его все сестры любили... Бабушка моя очень часто приезжала к нам. Она жила в Городце около Горького. Знаете Городец? Она приезжала довольно часто. Потрясающая женщина была. Скромная. Какая-то не от мира сего. По-моему, она родила 10 или 11 детей. Девять остались. Всю жизнь рожала. Замечательная женщина. Однажды я ехал играть куда-то из Москвы на поезде. Она меня проводила на вокзал и стала плакать. Я говорю: «Бабушка, что ты плачешь, я же послезавтра приеду». «Я уж привыкла, — говорит, — прощаюсь с кем-то, кто уезжает, и всегда плачу». Я приехал два дня спустя — она опять плачет, потому что она нас встречала. Такая была русская душа.

